

ПОДБОРКА ДОКУМЕНТОВ
ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА:
монтаньяры, дантонисты, эбертисты, «бешеные»
1793 – 94 гг.

Приведено по:

Захер Я.М. Французская революция в документах. 1789-1794.

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1926.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Выступление Жака Ру перед Национальным Конвентом
25 июня 1793 г. от имени секций Гравилье и Бон-Нуviel и клуба кордельеров

Депутаты французского народа!

Сто раз в этом священном зале провозглашалось о злодеяниях эгоистов и мошенников, и каждый раз вы обещали нам уничтожить пиявок народа. - Скоро будет представлен на утверждение суверена конституционный акт; - запретили вы в нем ажиотаж? - Нет! Объявили смертную казнь барышникам? - Нет! Определили, в чем состоит свобода торговли? - Нет. Запретили продажу денег? - Нет! Вот почему мы заявляем, что вы ничего не сделали для счастья народа.

Свобода - ни что иное, как пустой призрак, когда один класс может безнаказанно изнурять голодом другой. Равенство - пустой призрак, когда богач, благодаря монополиям, пользуется правом жизни и смерти себе подобных. Пустой призрак и республика, когда изо дня в день работает контрреволюция, устанавливая такие цены на продукты, достичь до которых три четверти граждан могут только обливаясь слезами.

Лишь прекращением разбоя негоциантов, который необходимо отличать от торговли; только предоставлением продовольствия в пользование санкюлотов, вы притянете их на сторону революции и объедините вокруг конституционных законов.

Вероломные депутаты, «государственные люди», призвали на наше несчастное отечество бич чужеземной войны; так надо ли поэтому, чтобы богачи объявили нам еще более ужасную войну внутри страны? 300 тысяч французов, став жертвами предательства, погибли от смертоносного оружия королевских рабов; так надо ли, чтобы те, которые охраняли их домашние очаги, были приведены к необходимости питаться камнями; чтобы вдовы тех, кто умер за дело свободы, платили золотом даже за лоскуток, необходимый для них, чтобы вытереть свои слезы? Надо ли, чтобы по цене золота расплачивались за молоко и мед, составляющие пищу их детей?

- Народные избранники! Когда в вашей среде были соучастники Дюмурье, представители Вандеи, роялисты, желавшие спасти тирана, гнусные люди, организовавшие гражданскую войну, сенаторы-инквизиторы, декретировавшие осуждение патриотизма и доблести, - секция Гравилье приостановила свой суд, она поняла, почему Гора не может осуществить то благо, какое имеет в своем сердце, - она восстала...

Но отныне храм законов не оскверняется более присутствием Горса, Бриссо, Петиона, Барбару и других главарей «апеллянтов», - отныне эти негодяи, чтобы спастись от эшафота, в фанатизируемых ими департаментах скрывают свое ничтожество и свой позор; - отныне Конвенту возвращены его достоинство и сила, и лет уже необходимости творить добро только в одних намерениях; - и теперь во имя спасения республики, заклинаем вас предать конституционной анафеме спекуляцию и ажиотаж и декретировать общий принцип, что торговля не состоит в том, чтобы разорять, доводить до отчаяния и изнурять голодом граждан.

В течение четырех лет одни только богачи пользуются выгодами революции. Торговая аристократия, еще более ужасная, чем аристократия знати и сана, занимается жестокой забавой грабить имущества частных лиц и богатства республики; - и мы еще не знаем предела их лихоимства, ибо с утра до вечера цены на товары растут с ужасающей быстротой. Пора же, граждане представители, окончить эту смертельную борьбу, на которую эгоисты осуждают самый трудолюбивый класс общества. Выскажитесь против спекулянтов и барышников: либо они повинуются вашим декретам, либо нет. В первом случае вы спасете отечество; во втором - вы все же спасете его, потому что мы не замедлим узнать и поразить смертью пиявок народа.

Но что же? Неужели же собственность мошенника более священна, чем жизнь человека? Административные органы имеют в своем распоряжении войска; - как же могут они не обладать правом реквизиции съестных припасов? Законодатель имеет право объявлять войну, т.е. осуждать людей на смерть, как же ему могло бы не принадлежать право помешать угнетению и изнурению голодом тех, кто остался у домашнего очага? Свобода торговли есть право пользования и предоставления пользования, - но отнюдь не право препятствовать пользоваться и тиранить. Все необходимые съестные припасы должны быть приведены к доступной для всякого цене. Прикажите же, еще раз просим вас... и санкюлоты своими пиками заставят повиноваться вашим декретам. Вы без колебания решились поразить смертью тех, кто осмелится предлагать короля, и вы хорошо поступили; вы только что объявили вне закона контрреволюционеров, которые кровью патриотов окрасили эшафоты в Марселе, - вы хорошо поступили; но еще большую заслугу вы бы имели перед отечеством, если бы изгнали из нашей армии дворян и тех, чье прежнее место было при дворе; если бы в качестве заложников, вы взяли жен и детей эмигрантов и заговорщиков; если бы пенсии этих привилегированных обратили на военные издержки, если бы вы конфисковали в пользу волонтеров и вдов - богатства, приобретенные за время революции ростовщиками и барышниками; если бы вы изгнали из Конвента тех депутатов, которые вотировали за обращение к народу; если бы предали суду революционных трибуналов администраторов, сочувствовавших федерализму; если бы мечом правосудия поразили министров и членов Исполнительного Совета, допустивших создание ядра контрреволюции в Вандее; если бы, наконец, вы арестовали тех, чье имя подписано на антигражданских петициях и т.д и т.д. - Но разве не столь же и еще более того преступны барышники и спекулянты? Разве и они не представляют из себя истинных врагов народа?

Не бойтесь же поразить грозой вашего правосудия этих вампиров - не бойтесь чересчур осчастливить народ. Он никогда, конечно, не считал своих заслуг, когда надо было сделать для вас все. Он доказал нам, особенно в дни 31-го мая и 2-го июня, что хочет обладать не частью свободы, но всею в целом. Дайте же ему взамен - хлеба и декрет; воспрепятствуйте продолжать пытку доброго народа посредством безумных цен на съестные припасы.

Богачи-торговцы, по самому своему существу соучастники преступления и обыкновенно являющиеся соумышленниками королей, все еще продолжают злоупотреблять свободой торговли, чтобы угнетать народ; они неправильно истолковали ту статью Декларации Прав Человека, которая устанавливает принцип, разрешающий делать все, что не воспрещено законом. Так декретируйте же в конституционном порядке, что ажиотаж, продажа денег и спекуляция пагубны для общества. Народ, который знает своих истинных друзей, так долго страдающий народ, увидит тогда, что вы сжалились над его долей, что вы серьезно захотели утратить его недуги; когда будет в конституционном акте ясный и точный закон против ажиотажа и спекуляции, он увидит, что интересы бедняка ближе к вашему сердцу, чем выгоды богатых; он увидит, что среди вас нет более места для ростовщиков, арматоров и монополистов, он увидит, наконец, что вы не хотите контрреволюции.

Вы, правда, декретировали миллиардный принудительный заем у богачей, но если вы не искорените ажиотажа, если повсеместно не обуздаете барышников, капиталистов, торговцев - завтра же эта сумма будет переложена на санкюлотов посредством лихоимств» и монополий; не на эгоистов, а на санкюлотов пал ваш удар. До появления вашего декрета лавочник и ростовщик не переставали притеснять граждан; какую же месть не погнушаются они теперь, когда вы обложили их налогом; какую только новую дань не вырвут они из крови и слез несчастных?

Напрасно было бы, предполагать, что рабочий получает жалованье, соответственное росту цен на продукты; правда, есть некоторые из них, чей промысел оплачивается дороже; но немало и таких, труд которых за время революции стал расцениваться еще ниже; чем прежде. Да и не все же граждане - рабочие, а среди рабочих есть безработные, имеющие по 8 - 10 человек еще не вполне трудоспособных детей; женщины же вообще не зарабатывают свыше 20 су в день. Депутаты Горы, напрасно вы не поднимитесь с 3-го до 9-го этажа домов этого революционного города - вы были бы тронуты слезами и стенаниями огромного множества людей, лишенных хлеба и одежды, приведенных в такое состояние нужды и горя ажиотажем и спекуляцией. Законы ведь жестоки по отношению к бедняку, они ведь созданы богатыми и только ради богатых.

О, возмущение, о, позор XVIII в.! Кто мог бы поверить, что представители французского народа, объявившие войну чужеземным тиранам, были так трусливы, что не раздавили находящихся внутри страны. Во времена Сартинов и Флесселей [Сартин - полицейский генерал старого режима. Флессель - контрреволюционер, городской голова Парижа, убитый 14 июля 1789 г.] правительство не допустило бы брать втридорога за съестные припасы, представляющие первую необходимость; более того, тогда фиксировал цены на снаряжение и мясо для солдат, а Национальный Конвент, облеченный силою двадцатипятимиллионного населения, терпит, чтобы торговец и богатый эгоист, произвольно таксируя наиболее полезные для жизни предметы, сделали своим обыкновением доводить этим население до голодной смерти.

У Людовика Капета, чтобы произвести контрреволюцию не было необходимости призывать грозу вмешательства иностранных держав; у врагов отечества не было необходимости зажигать пожар в западных департаментах страны - достаточно ажиотажа и спекуляции, чтобы опрокинуть строй революционных законов.

Но, скажут, - война - причина дороговизны продуктов. Представители народа, почему же вы ставите ее на последнее место? Почему, когда во времена жестокого Людовика XIV, французы должны были отражать союз тиранов, - ажиотаж не развернул все же знамени мятежа, голода и разгрома? - Неужели же под этим предлогом можно дозволить торговцу продавать свечи по 6 франков за фунт, мыло до 6 франков за фунт, масло по 6 франков за фунт?

Под предлогом войны, санкюлот должен, значит, платить по 50 ливров за пару сапог, по 50 ливров за рубашку, по 50 ливров за плохую шляпу. В таком случае, можно бы сказать, что пророчества Казалеса и Мори оправдались; - что вы заодно с ними против свободы народа; в таком случае, пруссаки и испанцы могли бы сказать; мы в праве поработить французов, потому что у них нет мужества: поразить смертью пожирающих их чудовищ. В этом случае, можно бы сказать, что, раздавая миллионы, привлекая буржуа и богатых торговцев на сторону контрреволюционеров, республика губит сама себя.

Но, возраят мне, причина дороговизны продуктов - бумажные деньги. Но санкюлот не видит их изобилия... к тому же громадные размеры эмиссии свидетельствуют об их успехе и высокой расценке. Если ассигнат действительно основан на ипотеке, если он поддерживается лояльностью французского народа, то его ценность не убавляется в зависимости от размера национальных имуществ. И можно ли быть бесчеловечным только потому, что в обращении много денег; можно ли допускать, чтобы в торговых тавернах вершили разбой, становились господами имущества и жизни граждан только затем, чтобы под влиянием жадности и страсти к наживе всемерно их угнетать, - чтобы возбуждать народ к мятежу, - голодом и мучениями нужды приводить его к необходимости поедать самого себя?

Но ассигнаты много теряют в торговле... Почему же ростовщики, негоцианты, внутренние и заграничные контрреволюционеры, наполняют ими свои сундуки? Почему имеют жестокость сбавлять жалованье и лишать вознаграждения рабочих? Почему же, когда приобретают национальные имущества, не вносят денег ранее срока? А разве в Англии, долги которой превосходят в двадцать раз ценность её территории, в Англии, процветающей только благодаря ассигнатам ее банка, так же, как и у нас, вздорожали съестные припасы? Нет, министр Питт слишком хитер, чтобы позволить угнетать поданных Георга. А вы, граждане-представители, вы, депутаты Горы, вы, имеющие честь быть в числе санкюлотов, с высоты вашего бессмертного величия, - вы не уничтожите вечно возрождающейся гидры, ажиотажа!

Но немало товаров, возраят мне, ввозится из-за границы; в уплату же за них берут только звонкую монету. Ложь! Торговля почти всегда производилась путем обмена товара на товар, бумаг на бумаги; часто даже векселя предпочитались звонкой монете. Ведь металлических денег, имеющих хождение в Европе, не хватит, чтобы оплатить даже одну стотысячную часть выпущенных ассигнаций. - Итак, ясно как день; что только спекулянты и ростовщики дискредитируют ассигнаты, с целью продать подороже свои деньги, чтобы безнаказанно спекулировать и наживаться за счет крови патриотов, которую они горят желанием пролить.

Но еще не известно как повернутся дела... Напротив, весьма вероятно, что друзья равенства не вечно будут терпеть резню на границах и муки голода внутри страны. Весьма вероятно, что они не всегда будут жертвами этой общественной чумы - шарлатанов, которые гложут нас, как черви, барышников, чьи магазины - притон.

Но когда смертная казнь грозит всякому, кто покусился бы на восстановление королевской власти, когда стальной стеною стоят вооруженные граждане-солдаты, когда порох и огонь низвергаются со всех сторон на варварскую орду, - могут ли ростовщики и барышники сказать, что еще не известно, как устроятся дела? Впрочем, если они не знают, мы готовы это им рассказать. *Народ хочет свободы и равенства, республики или смерти* - вот что приводит вас в отчаяние, спекулянты, подлые сообщники тирании.

Вам не удалось развратить сердце народа, поработить его страхом и клеветой, и вы теперь прибегаете к последним достойным рабов средствам, чтобы задушить любовь к свободе. Вы овладеваете мануфактурами, морскими портами и всеми отраслями торговли, всеми земными благами, чтобы заставить друзей отечества умирать от голода, жажды и наготы, и этим принудить броситься в объятия деспотизма. Но негодяям не удастся поработить народ, живущий железом и свободой, лишениями и жертвами. Лишь монархия и ее сторонники могут предпочитать Республике и бессмертию - древние цепи и богатство.

Итак, народные избранники, было бы трусостью, преступлением против народа, продолжать проявлять свою беззаботность. Не надо бояться ненависти богатых, т.е. злых. Не надо бояться пожертвовать политическими принципами во имя спасения народа, которое является высшим законом.

Согласитесь же, что только благодаря малодушию, вы разрешаете дискредитировать бумажные деньги, подготавливаете банкротство, допуская злоупотребления и преступления, которые заставили бы покраснеть самый деспотизм в последние дни его варварского могущества.

Нам известно, конечно, что есть бедствия, неразлучные с великим переворотом, что нет таких жертв, которых не следовало бы принести ради свободы, что никакая цена не может быть слишком дорогой, когда дело касается счастья быть республиканцем, но мы знаем также, что два законодательных собрания предали народ; что недостатки конституции 1791 года были источниками общественных Следствий, что пора уже санкюлоту, сломавшему скипетр королей, увидеть Конец восстаниям и всяким видам тирании.

Если вы не найдете быстрого и целительного средства, как могут просуществовать не имеющие иного состояния, кроме 2-3-4-5-6-ста, ливров плохо выплачиваемой ренты, пожизненная ли это пенсия или сбережения частных лиц, если вы посредством конституционного декрета, который бы уже не мог быть объектом каких-либо видоизменений, не обуздаете ажиотажа и барышничества? Возможно, что нам не добиться мира ранее, чем через 20 лет; военные расходы вызовут новую эмиссию; бумажных денег; не хотите ли вы молчаливым разрешением ажиотажа и спекуляции продлить на все это время наши и без того уже долгие страдания? Это было бы лучшим средством изгнать от нас всех чужестранных патриотов и помешать поработенным народам приходить во Францию дышать чистым воздухом свободы.

Не довольно разве, что ваши предшественники, по большей части оставившие о себе позорную память, завещали вам монархию, ажиотаж и войну, чтобы вы еще прибавили ко всему этому наготу, отчаяние и голод? Надо ли допускать, чтобы роялисты и умеренные под предлогом свободы торговли пожирали еще новые мануфактуры и собственность? Чтобы захватывали хлебные поля, леса и виноградники, даже кожу животных? - Чтобы они, под покровительством закона, из раззолоченных чаш пили кровь и слезы граждан?

Нет, нет, депутаты Горы, вы не оставите неоконченным свой труд, - вы заложите основы общественного благоденствия: вы осветите общие принципы, карающие ажиотаж и спекулянтов; вы не подадите своим преемникам ужасного примера варварства сильных по отношению к слабым, богача по отношению к бедняку; вы не увенчаете позором вашей карьеры.

Преисполненные уверенности в этом, мы даем здесь новую клятву в том, что будем до гроба защищать свободу, равенство, единство и нераздельность Республики и санкюлотов, угнетаемых в департаментах.

Пусть придут они, пусть придут скорее в Париж, скрепить узы братства! - Тогда мы покажем им бессмертные пики, опрокинувшие Бастилию, пики, свалившие «Комиссию Двенадцати» и крамольную партию «государственных людей», - те пики, которые воздвигнут праведный суд над интригами и предателями, под какого бы маской они ни скрывались, в какой бы стране ни обитали. Тогда мы приведем их под сень того дуба, где марсельцы и санкюлоты департаментов предали проклятию свои заблуждения и присягнули опрокинуть трон. Тогда то мы проводим их в святилище законов, где республиканская рука укажет места желавших спасти тирана и Горы, которая объявила ему смерть.

Да здравствует правда, да здравствует Национальный Конвент, да здравствует Французская Республика!

Монтаньяры против «бешеных»

Из речи Робеспьера в Якобинском клубе 28 июня 1793 года

Самая демократическая из когда-либо существовавших конституций представлена на утверждение народа... И в это время человек, прикрывающийся личиной патриотизма, но намерения которого могут быть по меньшей мере подвергнуты сомнению, оскорбляет большинство Национального Конвента под предлогом того, что конституция не содержит законов против скупщиков и выводит из этого, что она не подходит для того народа, для которого она создана. Люди, которые любят народ, не стремясь, однако, постоянно об этом напоминать, и, которые, не хвастая этим, неизменно трудятся над его благополучием, будут весьма удивлены узнав, что их детище антинародно и является скрытой аристократией!

Я утверждаю, что единственными врагами народа являются те, кто выступают с проповедями против Горы и против Конвента. Когда мы сделаемся бриссотинцами, мы, пожалуй, согласимся стать жертвами нашего отступничества; но до тех пор опасайтесь этих интриганов, которые под маской патриотизма, стремятся ни к чему иному, как к тому, чтобы снова ввергнуть вас в ту пропасть, из которой вы только еще начинаете выбираться!

Неужели вы верите в чистоту цели и законность стремлений этого священника, который, в согласии с австрийцами, клеветает на лучших патриотов?..

Buchez et Roux. t.XXVIII, pp.228-230.

Из № 252 газеты Эбера «Пер-Дюшен»

...Но эти ростовщики - где же они в самом деле? В Париже? Нет, черт возьми, не здесь, а в крупных торговых городах! В Париже живут только мелкие торговцы. Миллионерам Бордо и Марселя в высокой степени наплевать, если разграбят одно из судов на Сене. Их склады и корабли ломаются от товаров. Черт побери! если бы Конвент всегда действовал так, как в настоящее время, если бы он не терпел так долго в своей среде шайки пройдох, которые всегда подбрасывали ему под ноги камни, то он, несомненно, успел бы провести многие хорошие законы для защиты слабых против сильных, бедных против богатых. И мы уже пользовались бы плодами революции... Но теперешний момент не годится для того, чтобы осыпать клеветой «патриотов: теперь необходимо прежде всего вести борьбу против батальонов Кальвадоса, Финистера и Жиронды и воздерживаться от эксцессов...

Г.Кунов. «Борьба классов и партий в Великой Французской Революции». С.496.

Парижская коммуна угрожает населению Парижа расстрелом

Постановление Генерального Совета Коммуны Парижа

Генеральный Совет, узнав от национальных комиссаров, посланных в западные департаменты, равно как и от комиссаров, посланных им самим, что оплаченные вандейскими разбойниками мерзавцы, будучи взяты в плен, прибыли в Париж, чтобы вызвать там беспорядки, целью которых является задушить в колыбели нарождающуюся конституцию и посеять рознь среди граждан;

Будучи кроме того осведомлен, что имеют место грабежи и что имущества подвергаются опасности вследствие призывов со стороны контрреволюционеров, которые, растратив деньги, выданные им при их призыве, явились в Париж зарабатывать деньги, обещанные им вандейскими мятежниками, Генеральный Совет, принимая во внимание, что:

1. Закон ставит личность и имущество под охрану добрых граждан;
2. Что все благонамеренные граждане дали клятву заставить их уважать или умереть, защищая их, на своем посту;
3. Что в воскресенье 23 июня парижский народ, собравшись на Елисейских Полях и на Поле Федерации, совместно с делегацией Национального Конвента, торжественно принес аналогичную клятву и что только люди, подкупленные вандейскими разбойниками и иностранными державами, могут нарушить священную клятву.

Принимая далее во внимание, что эти волнения являются ничем иным, как жестокими происками, имеющими целью воспрепятствовать делу снабжения Парижа, вызвать в городе голод и возбудить гражданскую войну;

Принимая, наконец, во внимание, что враги Парижа и сторонники федерализма приведены в отчаяние спокойствием, с которым парижане во время и после революции 31 мая и 2 июня действовали на благо отечества, стремятся путем многократных испытанных способов, постоянно ими используемых, заставить граждан Парижа предпринять жестокие меры и вызвать эксцессы, способствующие успеху клеветы, объектом которой уже издавна является этот город, Генеральный Совет постановляет, что как только в пределах какой-либо секции обнаружится волнение, угрожающее собственности, полицейские и секционные комиссары, под угрозой преследования в качестве соучастников, обязаны немедленно явиться к месту собрания и тотчас же уведомить мэра и департамент полиции о характере и целях собрания.

Генеральный Совет, при наличии этих обстоятельств, уполномочивает мэра отдать распоряжение пробить сбор, как в той секции, где движение обнаружилось, так и в соседних, а в случае нужды даже и всеобщий сбор, дабы таким образом остановить подкупленных злоумышленников, проповедующих грабеж.

Генеральный Совет постановляет, что как только будет пробит сбор, то, не взирая на час, будь то день или ночь, все члены Генерального Совета будут обязаны отправиться на свои посты.

Генеральный Совет приглашает всех граждан, верных своей клятве защищать безопасность лиц и имущества, немедленно по призыву и с оружием в руках, направиться в свои сборные пункты.

Генеральный Совет объявляет плохим гражданином всякого, кто будет подстрекать к грабежу, одобрять его или принимать в нем участие и приказывает войскам всех таких лиц арестовывать и доставлять в мэрию.

Генеральный Совет объявляет, что он ставит выполнение настоящего постановления под охрану истинных республиканцев, желающих свободы, равенства, конституции. Генеральный Совет предписывает, чтобы настоящее постановление было немедленно отпечатано и разослано по сорока восьми секциям и в народные общества

© Vive Liberta

Buchez et Roux, t.XXVIII, pp.222-224.

Из речи Дантона в Национальном Конвенте 26 ноября 1793 г.

Постараемся различать, где кончается заблуждение и начинается преступление. Народ требует, чтобы террор был поставлен в порядок дня; но он хочет, чтобы террор был применен к действительным врагам республики и только к ним, т.е. к аристократам, эгоистам, заговорщикам и изменникам, агентам иностранных правительств; но народ не хочет, чтобы всякий, кто родился без революционного пыла, в силу одного этого считался виновным; если он не уклоняется от своего долга и если он не замышляет преступления, народ готов поддержать даже слабого гражданина...

Единственно, чего народ хочет теперь - это сильного и энергичного правительства. Эта энергия исходит от самого народа: ведь каждый год он будет избирать своих представителей, своих администраторов, одним движением он сметет со своего пути тех, кто посмел бы посягнуть на его величие.

В широкой политической перспективе мы представляем собой: в сущности только национальную комиссию, труды которой освещаются одобрением народа. Пусть каждый из нас ни на минуту не упускает из виду всю широту этих задач. Пусть Комитет Общественного Спасения отрешится от мелочных забот. Принесем народу плоды его конституции; ведь все великое в революции совершил он сам. Его представители должны склониться перед ним; но пусть они в то же время стремятся подняться на ту высоту, на которой стоит народ. Вперед сомкнутыми рядами! Немедля обсудим законы, которые нужно издать: пусть Конвент поручит своим комитетам в кратчайший срок сделать доклады о последнем заговоре! За дело - и без проволочек. Создадим республиканскую власть! Больше энергии, больше единства революционному правительству! Покараем виновных и покараем беспощадно - и народ признает, что мы достойны его!

Из речи Дантона в Национальном Конвенте 1 декабря 1793 г.

Теперь, когда всякий федерализм уничтожен, революционные меры должны, естественно, опираться на законы, нами же изданные. Конвент почувствовал необходимость дополнить революционные мероприятия и сделал постановление в этом смысле. С этого момента каждый человек, проявляющий себя не в меру усердным революционером, принесет столько же вреда свободе, сколько мог бы принести убежденный контрреволюционер. Выйти за пределы поставленной цели - миновать ее, а не достигнуть, наши враги не преминут умело использовать против нас самих избыток нашего гражданского одушевления. А мало ли людей, которые под маской преувеличенной преданности революции ускользают от революционной кары! Поэтому я и говорю, что вы должны выразить энергичное порицание тем, кто позволит себе переступить границы, указанные мною.

Объявим, что никто не имеет права отдавать произвольного распоряжения какому-либо гражданину Республики. Защитим от всяких посягательств следующий принцип: законы должны исходить только от Конвента, - он один получил от народа право законодательства. Отзовем тех комиссаров, которые, хотя бы с самыми лучшими намерениями, принимали несоответствующие меры, о которых только что доведено до нашего сведения. Представители народа отныне должны издавать распоряжения в полном согласии с нашими революционными декретами, с принципами свободы и соответственно инструкциям, переданным им Комитетом Общественного Опасения. Запомним ту истину, что если то или другое общество разрушают ударами пик, то возвести и укрепить общественное здание можно только при помощи строительного циркуля.

Народ ежедневно высказывает одобрение нашей работе, ежедневно приказывает нам не покидать нашего поста; это потому, что мы свято выполнили свой долг. Будем стараться сделаться достойными того доверия, которым он нас окружает, будем сами создавать законы и не позволим никому их нам навязывать.

Я предлагаю поручить Комитету Общественного Спасения оповестить всех комиссаров, членов Конвента, о том, что они в своих мероприятиях должны руководствоваться исключительно вашими революционными законами и своими инструкциями.

© Vive Liberta

Из речи Дантона в Национальном Конвенте 24 января 1794 г.

Разве Республика не является грозой для всех своих врагов? Разве она не торжествует победу? Разве вы не применили для уничтожения ваших внутренних и внешних врагов грозные и всеобъемлющие меры? Разве эти меры не имели успеха, какого вы могли ожидать? Разве вы не сознаете своей мощи? Разве исполнители предписанных вами мер устранили энергию и силу, каких мы от них ждали?

Итак, воспользуемся моментом, чтобы направить верные удары против врагов родины, избежать ошибок или исправить их. Вот то, что я вам предлагаю; с того момента, когда Национальный Конвент может, не принося ущерба общественному благу, защитить честного гражданина, он не выполнит своего долга, если останется пассивным.

Вот истинные принципы; вот то, что вы должны и что вы можете сделать.

Я предлагаю сосредоточить все наше внимание на том, каким образом обеспечить правосудие, - скорое, верное и без ущерба для революционного движения, - всем жертвам произвольных арестов и т. п. мероприятий, многосемейным беднякам, родителям защитников отечества и вообще всем тем, кто по своим гражданским добродетелям должен быть дорог патриоту и законодателю.

Ж.-Ж.Дантон. Избран. речи. С.85-86, 87-88, 96-97.

Из проекта доклада Робеспьера Национальному Конвенту от имени Комитета Общественного спасения

Вот уже некоторое время две враждебные друг другу группировки с треском борются между собой. Одна стремится к умеренности, другая - к контрреволюционным эксцессам патриотизма. Одна объявляет войну всем энергичным патриотам и проповедует снисходительность по отношению к заговорщикам; другая исподтишка клеветает на защитников свободы, добивается гибели всех ошибившихся патриотов и в то же время закрывает глаза на преступные намерения наших опаснейших врагов. Обе выявляют патриотизм, когда речь идет о нападении на своих; но когда нужно защищать интересы родины и истины, обе они проявляют глубочайшее равнодушие. Обе стремятся принести Республику в жертву своим эгоистическим интересам. Патриотизм, коим они хвастаются, не является ни абсолютным, ни всеобщим; он проявляется лишь в некоторых случаях и ограничивается кругом интересов данной секты. Он не имеет ничего общего с общественной добродетелью. Он походит на ненависть мстительности, интриганство и себялюбие. Обе группировки правы, когда осуждают одна другую, но обе начинают ошибаться, как только пытаются исходя из недостатков своего противника, сделать вывод в свою собственную пользу. Обе доказывают все против своего противника и ничего - в свою пользу. Одна старается воспользоваться своим назначением или своим пребыванием в среде Национального конвента; другая - своим влиянием на народные общества. Одна хочет исторгнуть у Конвента опасные декреты или репрессивные меры против своего противника; другая - оглашает общественные собрания жалобными стонами. Одна стремится обеспокоить Конвент, другая - возбудить народ. Результатом этой недостойной борьбы, если только ей не положить предела, будет посещение раздора, между Национальным Конвентом и народом и предоставление врагам Республики столь долго ожидаемого ими случая осуществить их гнусные намерения. Ибо агенты иностранных дворов раздувают пламя вражды, стремятся использовать в своих роковых целях гордость, невежество и предрассудки обеих партий, держат в своих руках нити двойного заговора и направляют его в желаемом ими направлении.

Победа каждой из этих партий была бы одинаково губительной для свободы и национального деспотизма. Если первая раздавит вторую, патриотизм подвергнется преследованию, Национальный Конвент утратит энергию, которая одна только может спасти Республику, и народное дело снова попадет во власть интриги, аристократии и измены. Если победит вторая партия, то следствием ее победы будут хаос и анархия, унижение народного представительства и преследование всех мудрых и смелых патриотов.

Разогнать Национальный конвент, ниспровергнуть Республику, погубить энергичных патриотов и передать командование армиями и революционное управление в руки мошенников и предателей - такова есть и будет цель и задача всех объединившихся против Республики тиранов, пока последний из них не падет под ударами французского народа. Такова также и цель заговора, о котором я буду говорить

Buchez et Roux, t.XXX, pp.157-15.

Робеспьеристы против эбертистов

Доклад Робеспьера Национальному конвенту от имени Комитета Общественного спасения 15 фримера (5 декабря 1793 г.)

Граждане, замыслы интриганов, стремящихся к ниспровержению свободы, невидимому, близки к осуществлению. Обратите внимание на эмиграцию в Швейцарию с юга Франции, начало которой совпало с моментом решительного нападения на религию. Есть много коммун, настроенных отнюдь не фанатично, где все же находят дурным, что власти и войска приказывают покидать церкви и арестовывать служителей культа только потому, что они служители культа. Люди, в свое время протестовавшие первыми против религии, также недовольны, хотя в первый момент они из любви к миру и уступили силе давления. Я вовсе не утверждаю, что эти коммуны менее привержены к свободе, чем к своей религии, но, во всяком случае, они также протестуют. Наши враги, возбуждая это движение против католической религии, преследовали двоякую цель: во-первых, снабдить Вандею новыми солдатами, лишить французскую нацию уважения других народов и использовать философию для разрушения свободы, во-вторых, нарушить спокойствие внутри государства и таким образом увеличить силы коалиции наших врагов. Я мог бы с несомненностью доказать существование заговора, на главные моменты которого я вам только что указал, если бы я только захотел вывести на чистую воду тех, кто были его первыми действующими лицами. Но я ограничусь утверждением, что во главе заговора стоят эмиссары всех держав, ведущих с нами войну, что там находятся протестантские священники [Рабо-Сент-Этьен, незадолго перед тем арестованный в Париже].

Что следует нам делать при таких обстоятельствах? Рассуждать не как философы, а как законодатели, как люди мудрые и просвещенные. Мы должны оказывать содействие патриотам против их врагов, разъяснять им те ловушки, которые для них расставлены, остерегаться беспокоить людей, обманутых вероломной клеветой и, наконец, оказывать поддержку тем, кто является сторонником существования религии, не вносящей смуты в общество. Мы должны также препятствовать нелепым выходкам, сумасбродствам, выгодным для наших врагов; необходимо исправлять заблуждения патриотизма, но делать это следует с той осторожностью, которую должно проявлять по отношению к друзьям свободы, лишь на мгновение введенным в заблуждение.

Я требую, чтобы вы запретили отдельным носителям власти оказывать нашим врагам услуги своими необдуманно мероприятиями, и чтобы никакая вооруженная сила не смела вмешиваться в то, что принадлежит к области религиозных мнений, за исключением случаев, когда она будет привлечена для выполнения мер полицейского характера.

В заключение я предлагаю вам меру, достойную Национального конвента: торжественно напомнить всем гражданам об общественных интересах, просветить их вашими принципами так, как вы воодушевляете своим примером, и призвать их отбросить в сторону все опасные споры для того, чтобы заняться только спасением отечества.

Проект Комитета Общественного Спасения придерживается этих взглядов. Вдумываясь в него, вы поймете необходимость одобрить предлагаемые вам меры; если же вы этого не сделаете, то эмиссары иностранных дворов используют ваше молчание для выполнения своих преступных намерений.

Buchez et Roux, t.XXX, pp.322-323.

Робеспьеристы против дантонистов

Из речи Робеспьера в якобинском клубе 1 жерминаля (21 марта 1794 г.)

Республика находится между золотой молодёжью, аристократами и партией, представление о коей могут вам дать Эбер и его сообщники.

Иностранцы содержат у нас за свой счет партию умеренных и партию вероломных людей, под личиной сумасбродного патриотизма скрывающих свое желание задушить всех патриотов. Иностранцам безразлично, будет ли торжествовать та или другая из этих двух партий. Если верх возьмет Эбер, то Конвент будет уничтожен, патриоты подвергнутся избиению, Франция вернется к прежнему хаосу и тирания будет удовлетворена. Если же победит партия умеренных, Конвент потеряет свою прежнюю силу, преступления аристократии окажутся безнаказанными и тираны будут торжествовать. Иностранцы должны поддерживать обе партии, не отдавая предпочтения ни одной из них. Какое им дело до того, что Эбер искупит свое предательство на эшафоте, раз после него найдутся другие негодяи, стремящиеся погубить Республику и умертвить всех тех, кто неизменно сражался против предателей и тиранов!

Все эти, находящиеся в союзе с иностранцами, негодяи ни во что не ставят Республику; она является для них объектом грабежа. Народ в их глазах не что иное, как презренное стадо, созданное, по их мнению, только для того, чтобы, будучи, запряженным в их колесницу, везти их к обилию и счастью. Во время восстаний народ торжествует, ибо он в это время находится настороже, и они оказываются вынужденными скрываться. Но едва лишь народ успеваешь возвратиться к своим очагам, как эти негодяи появляются снова, и народ опять погружается в такое же бедственное положение, как то, из которого он только что вышел. Вы видели, каким образом» Лафайет, Петион и Дюмурье питали ужасную надежду уморить народ голодом и таким путем поработить его. Эти чудовища уничтожены. Но после их гибели мы видели возникновение новой партии, пытавшейся привести в исполнение этот же план. Если Конвент будет и дальше продолжать откладывать необходимость истребления всех этих партий, то наверное появятся и другие последователи этого плана. Нужно, наконец, начать действовать, руководствуясь лишь интересами народа и общего блага. Те, которые сплачиваются ради приостановления хода революции, должны пасть от меча ее законов. Если все те, кто составили заговор против свободы, если все последователи Бриссо не подвергнутся той же участи, что и он сам, то неминуемо наступят величайшие бедствия. Вы увидите, что негодяи проникнут в армию, что некоторые общественные чиновники примкнут к ним, подобно тому, как они однажды уже примкнули к другим негодьям; царящий ныне мир окажется скоропреходящим, армии будут разбиты, женщины и дети перерезаны... Я сомневаюсь в том, чтобы кто-либо стал оспаривать эти ужасные истины. Если последняя партия не будет уничтожена завтра же или лучше даже сегодня, армии будут разбиты, ваши жены и дети перерезаны, Республика будет разорвана в клочья, Париж уморен голодом, а вы сами падете под ударами врагов, оставив свое потомство под игом тирании. Но я заявляю, что Конвент решил спасти народ, одновременно сокрушив все партии, существование коих является угрозой для свободы.